

formed by the Equites and the Populares was bent of involving the government in war and so discrediting it finally, or forcing it to reorganise the army, which was the main objective of the Equites. Jugurtha, leader of the patriotic party in Numidia, was quick to take advantage of the political struggle in Rome for his own purposes, which were to strengthen his own position at home by removing pro-Roman elements from power.

The bloc of Equites and Populares eventually succeeded in involving the government in war with Jugurtha and in getting the military reform put through. The victory of Rome in the Jugurthine war was a victory for this bloc. After the war there were for a time two centres of state power in Rome: on the one hand the Optimates continued to govern through their majority in the Senate; on the other, in spite of the constitutional rule, Gaius Marius, representing the opposition bloc, held the office of consul several years in succession.

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ФОРМЫ БОРЬБЫ НАРОДНЫХ МАСС ЕГИПТА С РИМОМ ВО II—IV ВВ. Н. Э.*

В рабовладельческом обществе особенно в период кризиса его общественного строя идеологическая борьба в значительной мере принимает религиозную форму, смена общественной идеологии выражается в падении старых религий и появлении новых. «Говорят об идеях, революционизирующих все общество; этим выражают лишь факт, что внутри старого общества образовались элементы нового, что рука об руку с разложением старых условий жизни идет и разложение старых идей. Когда древний мир клонился к гибели, древние религии были побуждены христианской религией»¹.

В каждой религии как форме общественного сознания может выражаться общественная идеология и психология разных классов. Так, например, А. Донини считает, что и в древней Греции внутри одной религии существовали две: религия рабовладельцев и религия рабов². По мере того как нарастающий социальный кризис втягивал в орбиту христианства разоренных и недовольных из всех классов, менялся его классовый состав, а затем и политика по отношению к государству. Некоторые ранние «ереси» и секты, церковная оппозиция (так же как рядом с ними некоторые народные языческие культы) становились религиозной оболочкой более радикального социального протеста и классовой борьбы. Их возникновение и развитие связано как с обострением социальных и этнических противоречий рабовладельческого общества, так и с борьбой против начавшихся процессов феодализации и нового закабаления.

В нашей научной литературе прослежена эволюция раннего христианства, в связи с изменением его социальной базы, в церковь богатых, в опору Римской мировой империи³. Однако рядом с ней шла и другая эволюция — от крайне пассивных форм идейного протеста к более активным и решительным. И если этот второй процесс не прослеживался историками, то, на наш взгляд, потому, что мало отмечалась преемственность между отдельными раннехристианскими ересями и оппозиционными течениями разных периодов развития христианства. Считалось, что каждая из этих форм идеологии с наступлением ортодоксальной церкви умирала, не оставив следов.

* Доклад прочитан на конференции по проблемам античности, состоявшейся в Москве 27—30 мая 1968 г.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, стр. 445.

² А. Донини, Люди, идолы и боги, М., 1962, стр. 122—142. О «второй религии», религии масс, пишет и Е. М. Штаерман в своей книге «Мораль и религия угнетенных классов Римской империи» (М., 1961).

³ См., например, С. И. Ковалев, Основные вопросы происхождения христианства, М.—Л., 1964; Я. А. Лейцман, Происхождение христианства, М., 1960; Ю. П. Францов, У истоков религии и свободомыслия, М.—Л. 1959; Н. И. Голубцова, У истоков христианской церкви, М., 1967 и др.

Вопрос о гностицизме сложен, и мы здесь остановимся только на некоторых его сторонах.

Если даже евангелие от Иоанна считать особым, подвергнувшимся гностическим влияниям, то та же идея присуща и синоптическим евангелиям. Так, в евангелии от Матфея вся гл. 10 развивает тему избранничества учеников Христа и тех, кто бросив

⁹ См., например, Иоанн, XV, 19: «Если бы вы были от мира, то мир любил бы свое, а как вы не от мира, но я избрал вас от мира: **потому ненавидит вас мир**»; ср. Иоанн, XVII, 14—16; 1, 12—13; III, 18; VI, 40, 54, 65; XIV, 22.

родных и имущество, последует за ним¹⁰; в гл. 13-й Христос отделяет всех подлинно верующих от фальшивых верующих и язычников, как урожайное зерно от павшего на непригодную почву (4—7, 19—22), «пшеницу» от «плевел» (25—30, 38), «сынов лукавого» от «сынов царствия» (38, ср. X, 25: «домашние вельзевула»), драгоценный жемчуг от плохого (45—46), плохую рыбу от хорошей (47—48), праведников от злых (49, ср. X, 21), новых от старых (52)¹¹. Начиная с 20-й главы он называет «избранными» всех верующих в него, в отличие от неверующих¹². У гностиков те же категории выступают еще более отчетливо, они делят всех людей на пневматиков (достигших высшего «знания», самых совершенных гностиков), психиков (рядовых верующих) и хонков (гиликов, соматиков), т. е. остальных «материальных», «плотских» людей, не верующих в их учение и принадлежащих миру зла (ср. послания Павла: I кор. IV, 15; II, 6).

Была ли концепция избранничества фактором, который затруднял доступ в общины гностиков? Отчасти да¹³. Кроме того, если в евангелии от Матфея избранными являются прежде всего «нищие духом» и «малые сии» (V, 3; XXV, 40, 45), то здесь это ставится в зависимость от «знания». Но если вспомнить о том, сколь много, по Клименту Александрийскому, требовалось от христианина как «настоящего гностика», о том, что «общину избранных» проповедовал Тертуллиан¹⁴, а гностическое знание, по крайней мере, для «психиков» отождествлялось просто с верой, то различия оказываются не столь существенными.

Христианский еретический гностицизм вырастал на иной почве, чем остальное христианство. «Гносис» и его правила очень напоминают нам практику языческих мистерий, хотя и на христианской основе. (Вспомним также, что о христианах как о посвященных в «тайны» говорится в евангелии от Луки, VIII, 10; ср. Clem. Alex., Protr. XII; Tert., Apol. VII.) В мистериях же участие зачастую было массовым¹⁵. Притом, если в мистерии старых богов рабы обычно не допускались, то в гностических памятниках нет следов подобных социальных ограничений. Единственный критерий гностика — стремление к «знанию» бога, причем от массы верующих, «психиков», знание всех премудростей гносиса не требовалось¹⁶. Таким образом, нет основания считать идею избранничества свидетельствующей о классовом отличии гностиков от других христианских общин.

Как аргумент в пользу аристократизма гностиков используют также данные о социальном происхождении их идеологов: Маркиона¹⁷, Василида, Валентина — выходцев из зажиточных и образованных слоев населения. Однако социальное происхождение руководителей не может говорить о составе массы верующих. Наиболее распро-

¹⁰ Матф., X; ср. XII, 49—50; XIII, 11—12, 16; XIX, 27—30.

¹¹ Ср. Матф., XXV, 2—12: «мудрые» и «неразумные» невесты, 32: «овцы» и «козлы».

¹² Матф., XX, 16; XXII, 14; XXIV, 22. На идею избранничества в новозаветных посланиях обращает внимание И. Д. Амосин (ук. соч., стр. 244), связывая ее с дуалистической концепцией, общей для кумранитов и ранних христиан. Та же концепция еще более характерна для гностических общин.

¹³ И. С. Свенцикая (Запрещенные евангелия, М., 1965, стр. 92) приводит особые клятвы, которые должны были давать вступающие в союз.

¹⁴ Ср. А. К а ж д а н, От Христа к Константину, М., 1963, стр. 16.

¹⁵ Так, Луклан (Demonaх, 11) пишет об афинском философе Демонакте, который один из всех граждан города, и то по собственной воле, оказался не посвященным в элевсинские мистерии.

¹⁶ Многие авторы подчеркивают большую популярность мистерий в первые века н. э. Все хотели быть во что-то посвященными. Поэтому Римское государство вплоть до III в. из страха перед заговорами преследует тайные культы (см. R. R e i t z e n s t e i n, Hellenistische Mysterienreligionen, Lpz, 1927).

¹⁷ Некоторые исследователи, например Гарнак (A. H a r n a c k, Marcion, Lpz, 1921, стр. 232; ср. Л и в ш и ц, ук. соч., стр. 182), отрицают принадлежность Маркиона к гностицизму. Однако Маркион, несомненно, разделял ряд гностических учений, которым он (как и христианским) придавал более реакционное толкование. Апологеты опровергают Маркиона и маркионитов наряду с другими «еретическими» гностиками (Tert., Adv. marc.; Clem. Alex., Strom. III, 3; Hippol., VII, 10; 28—31; 37; X, 19; 13); секта маркионитов длительное время существовала в Египте, а согласно Иринею (Adv. haer. I, 27, 12), Маркион — особенно «зловредный» гностик.

странено утверждение, что гностицизм не мог получить широкого распространения в силу абстрактности своих догм¹⁸. Действительно, гностицизм как сложное религиозно-философское течение, впитавшее в себя влияние многих систем, особенно платонизма и пифагорейства, оказавшее, в свою очередь, влияние на неоплатонизм, возник, видимо, в больших торговых центрах эллинистического мира, в частности в Александрии. Но не забудем, что и все христианство имело своим «отцом» Филона Александрийского, а «дядей» Сенеку¹⁹ с их довольно абстрактными философскими системами. Проникая в массы, эти системы облекались в мифы и догмы, которые составили новую религию этих масс. Не так же ли могло обстоять дело и с гностицизмом?

Находки в Хенобоскионе²⁰, сведения из сочинений отцов и из прежних разрозненных находок говорят об исключительном богатстве космогонических и теогонических мифов, об огромной (почти уничтоженной) литературе, состоявшей из диалогов, проповедей, догм, изречений, евангелий, посланий и апокалипсисов. И если христианство возникло как движение угнетенных, в том числе покоренных Римом народов²¹, если в силу определенных социальных предпосылок мистические или абстрактные построения вроде учения Аполлония Тианского или различных мистерий, дохристианских апокалиптик привлекали массы, наконец, если «даже в Риме и Греции, а еще гораздо более в Малой Азии, Сирии и Египте... виднейшую роль играли чудеса, экстазы, видения, привидения, гадание о будущем, алхимия, каббала и прочая мистическая чепуха»²², то можно ли думать, что все гностическое христианство было продуктом и идеологией узких кругов философствующих умов из высших классов общества?

По сведениям христианских писателей: Климента Александрийского, Иринея, Тертуллиана, Оригена, Епифания, Евсевия, Августина (из языческих — Плотина) только для Египта засвидетельствованы многочисленные гностические секты: василидае, валентиниане, карпократы, маркиониты, барбелогностики или гностики, докеты, офиты, наассены, энкратиты, хайматиты, архонтики, канниты, сетиане, симоняне. Если учесть малочисленность христиан в это время, то вряд ли этих «еретических» христиан было во II в. многим меньше, чем «правоверных».

Христианство вообще довольно рано проникло в глубь Египта²³. Уже в III в. главную роль в нем начинают играть не беспокойные городские низы Александрии, а (раньше чем где-либо) разоряющееся крестьянство²⁴. Думается, что права И. С. Свенцицкая, считая, что таким же был и состав тех гностических общин, среди которых находили распространение рукописи, подобные укрытым в Хенобоскионе, или, по крайней мере, соответствующие идеи²⁵. И действительно, кто мог селиться в этих уединенных местах, далеко на юге Египта?

Социальные корни всех течений христианства здесь еще долго были теми же. Острота классовых противоречий, изощренная система эксплуатации, жестокий римский налоговый пресс — все это вынуждало сниматься с насиженных мест и бежать, куда глаза глядят, крестьян, рабов, а также самих разорившихся фискалов, «мытарей», которые своим имуществом отвечали за сбор налогов и при недоимках разорялись²⁶.

¹⁸ К а ж д а н, ук. соч., стр. 252 (автор отмечает, однако, и демократические элементы в гностицизме); ср. также А. Б. Р а н о в и ч, О раннем христианстве, М., 1959, стр. 86, Л е н ц м а н, ук. соч., стр. 259; С. И. К о в а л е в, История Рима, Л., 1948, стр. 710. Иного мнения придерживался В. С. Сергеев.

¹⁹ К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с, Соч., т. 19, стр. 307—309.

²⁰ В 42 милях севернее Луксора, в окрестностях Наг-Хаммади, близ древнего Шенесет-Хенобоскион, на восточном берегу Нила было найдено 13 кодексов, всего 44 произведения. Только часть из них опубликована.

²¹ К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с, Соч., т. 22, стр. 467.

²² Там же, стр. 250. Несколькими строками дальше Ф. Энгельс приводит в пример именно христианских гностиков в Египте. Самое «буитарское» произведение христианства — «Откровение Иоанна» — тоже является мистическим и абстрактным.

²³ См. Ф р а н ц е в, ук. соч., стр. 483.

²⁴ Там же, стр. 428.

²⁵ С в е н ц и ц к а я, ук. соч., стр. 100—102.

²⁶ См. Р а н о в и ч, Восточные провинции..., стр. 193 сл., 197 сл.; о н ж е, «Гномы идиолога», ВДИ, 1948, № 4.

На эти социальные корни указывает и содержание ряда гностических произведений. Как убедительно показала М. К. Трофимова, найденное в Хенобоскионе гностическое евангелие от Фомы при обычной для христианских произведений противоречивости в ряде мест более социально заострено, чем канонические евангелия²⁷. Ряд выпадов против богачей (кушцов и ростовщиков), идеи равенства, обращение к женщинам и детям, образы, взятые из сельской жизни, говорят о том, что «логины», содержащиеся в нем, имели свои корни в народе.

Дуалистическая космогония гностиков отражала ненависть к окружающему превратному миру «зла». Далеко не все гностические мифы столь отвлеченны, как обычно считается. В космогониях гностиков велика роль женского начала: все эоны и христы (их бывает по несколько, например у валентиниан — три) имеют свои пары (в частности Мария Магдалина выступает как пара Иисуса)²⁸, и это как раз могло быть ближе людям.

Выше ставится человек. В хенобоскионском Апокрифе Иоанна образ Христа несколько напоминает образ борца — Прометея греческого мифа. По поручению доброго мирового бога Христос перехитрил злого бога — коварного создателя людей Иалдабаофа (бога Ветхого завета). Он заставил его вдохнуть в человека Адама божественную силу, которая сделала человека выше самого этого бога²⁹. Что касается догмы о страдающем и воскресшем богочеловеке, то она действительно была ближе людям, чем гностические абстракции, и продолжала восточные религиозные мифы, но она противоречила здравому смыслу и логике. Гностические же теоретики пытались избежать этого с помощью докетизма — утверждения, что телесная природа Христа, в которой он страдал, была кажущейся; однако они в религиозно-философских конструкциях — учении об эонах — впадали в пресловутую «абракадабру»³⁰. По сути дела, те и другие догмы были легко понятны лишь в том отношении, что сулили спасение от испорченного мира, да и не сущность догм, видимо, была вначале главной. Люди шли в любую общину, где они хотя бы временно могли укрыться от издевательств, найти человеческую поддержку, а в иллюзорных картинах духовного счастья — какой-то выход и надежду.

Мистицизм гностиков был воспринят народом в форме магии, всяческих колдовских практик, которые не были чем-то новым, присутствовали в остальном христианстве, но здесь нашли особое распространение. В них, наряду с верой, люди находили видимость эффективного действия, собственного могущества. «Христианское представление о мире, писали Маркс и Энгельс, — есть... мир фантазии, в который вырожден мир древних представлений, и в котором христианин может силой веры двигать горы с места, чувствовать себя могущественным и добиваться того, что бы „механический толчок перестал действовать“»³¹. Как и все раннее христианство, гностики отбросили старую обрядность и храмовую организацию, особенно подчеркивали всеобщую греховность материального мира и считали его таким, каким он был для

²⁷ Трофимова, ук. соч. Исследователи признают это евангелие более ранним, чем канонические. См., например, F. V. Filson, *New Greek and Coptic Gospel Manuscripts*, «Bibl. Arch.», XXIV, 1961, № 1, стр. 17; J. Leipoldt, H. M. Schenke, *Koptisch-gnostische Schriften*, Hamb., 1960, стр. 28; *L'évangile selon Thomas*, P., 1959 и др.

²⁸ Хенобоскионское евангелие от Фомы, изреч. 32 и 55 (согласно нумерации Leipoldt — Schenke). Ср. также I r e n . Adv. haer. I, 2, 6; 4, 5; V, 1, 6; VII, 1, 4—5.

²⁹ V. R. G o l d, *The Gnostic Library of Chenoboskion*, «The Bibl. Arch.», XV, 1952, № 4, стр. 83—87. Апокриф Иоанна был найден в Ахмиме еще в 1895 г., а затем — в более полном объеме — в Хенобоскионской библиотеке. Принадлежал, видимо, секте барбелогностиков, им пользовался около 180—185 гг. Иринеи (Adv. haer. I, 29), критикуя эту секту. В. Р. Гольд, а также издатель апокрифа Тиль (W. C. Till) считают, что он был сравнительно ранним произведением и среди всех имеющихся документов представляет гностическое учение в наиболее систематическом виде.

³⁰ От имени «Абраксаса», верховного бога василияна.

³¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 176.

угнетенных: злым. В вере и «знании», а многие и в аскетическом «умерщвлении плоти»³², они искали пути к «освобождению» духа.

Правда, рационалистически настроенные руководители гностиков отвергали веру в воскресение мертвых³³. Этот взгляд действительно значительно отдаляет христианский гностицизм от первоначального христианства времен «книги Откровения» с ее уверенностью в скором приходе царствия божьего на земле и победе воскресших праведников над угнетателями (хотя обилие магии и абстрактный образ Христа как эманации бога роднит гностицизм с этим произведением). Но ведь первоначальное христианство второй половины I в. лишь в зародыше заключало в себе «те тысячи возможностей развития, которые потом осуществились в бесчисленных позднейших сектах»³⁴. Отрицание воскресения мертвых во плоти, как и другие рационалистические и критические элементы гностицизма, роднили его с античной философией, сближая с интеллигентными кругами и способствуя тому «перерождению», которое шло и в гностицизме.

Отрицание догмы о воскресении было связано с безразличием к «отступничеству» при гонениях³⁵. Но именно это, как явственно видно из Тертуллиана (см. например, *De praescr. haer.* IX) и привлекало к гностикам массу людей, которые искали ответа на вопрос, как жить, а не как умирать. Впрочем, деятельность Василида и Валентина падает на II в., когда еще не было серьезных гонений. Эсхатологическая точка зрения отгораживала христиан стеной фанатизма от всего мира, находящегося вне общины верных, в то время как ее отрицание делало гностиков более терпимыми³⁶. На этом основании П. Ф. Преображенский считал гностиков самым компромиссным течением раннего христианства по отношению к Империи³⁷. Но был ли то компромисс?

Во II—III вв. в силу фактов многие христиане уже не полагались на предсказания о скором втором пришествии («не пройдет род сей, как все сие будет». Матф. XXIV, 34). В этих условиях трудно сказать, что было более «бескомпромиссным»: вера в страшный суд после смерти и «воскресение во плоти» (она влекла за собой фанатизм и готовность к мученичеству), или же отрицание такого воскресения и уход от «мира сего» при жизни³⁸. Как мученичество, так и духовное отчуждение были формами пассивного идеологического протеста, сильного лишь своим разрушительным зарядом, углублявшим ненависть к угнетателям-язычникам и отвращение к производительному труду.

Гностицизм стал опасным конкурентом нарождавшейся христианской церкви именно потому, что его социальные корни и социальная база были почти одинаковые с остальным христианством (и так же изменялись), а при всей отталкивающей фантасти-

³² Iren., *Adv. haer.* I, 24, 2; 28, 1; Clem. Alex., *Strom.* III, 1—18. Как известно, другие гностики выражали «безразличие к плоти» прямо противоположным образом. И то и другое Энгельс считает характерным для эпох глубоких потрясений (К. Маркс и Ф. Энгельс, *Соч.*, т. 22, стр. 480).

³³ Tert., *De praescr. haeret.* XXIII; *De ressur. carn.*, I—LXIII; Eriph., *De Valent.* 7; Iren., *Ep.* I, 21, 5. Ср. Цельс, *Правдивое слово*, II, V, 6—14 (о воскресении во плоти): «Этот ваш догмат даже христиане не все разделяют, некоторые вскрывают гнусность, отвратительность и вместе с тем невозможность этого» (А. Рано-вич, *Античные критики христианства*, М., 1935, стр. 63—64).

³⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, *Соч.*, т. 22, стр. 492.

³⁵ Euseb., *Hist. eccl.* XVII, 5—8 (о Василиде); Tert., *De cultu fem.* 2, XI, IX (о валентинианах), ср. *De carne Chr.* IV.

³⁶ Впрочем, не всех; секта энкратитов, к которой примкнул Татиан, особенно непримиримо относилась ко всему языческому (см. Голубцова, *ук. соч.*, стр. 132). Напротив, положительное отношение к античной культуре мы находим у «отца церкви» Оригена.

³⁷ П. Ф. Преображенский, *В мире античных идей и образов*, М., 1965, стр. 241—243.

³⁸ Гностики, конечно, не отрицали бессмертия души. Человеку приписывалась «божественная искра» («внутренний человек» у маркионитов), которая может возвратиться в мир Света («плерому»), если не сразу, то после переселений души в новые человеческие тела (Апокриф Иоанна).

ке ряд элементов гностицизма имел притягательную силу. Он не был столь враждебен античной науке и философии, он не требовал мученичества, а некоторые секты — и аскетизма. Но главная его сила заключалась в глубоких местных корнях, которые он приобрел в ряде стран, несмотря на свой синкретический характер. Так, в Египте перевод христианских гностических произведений на коптский язык, ряд названий, образов и представлений, тесно связанных с древнеегипетской религией и греко-египетской философией (герметизм), свидетельствует, что членами многих сект были египтяне и что для них гностицизм был переходом, связующим звеном между языческими религией и культурой, с одной стороны, и христианством, с другой ³⁹.

Энгельс считал, что идеи христианства мог понять член любой старой религиозной общины ⁴⁰. Старые религии были разными, и они — каждая по своему — на первых порах модифицировали христианство. Множественные эоны гностиков — это более абстрагированные боги восточного политеизма. Хенобосклонские рукописи принадлежали египетской секте сетпан; Ю. П. Францов указывал на связь этой секты либо с именем египетского бога Сета, либо с названием мемфисских жрецов Сем или Сетем и сказаниями о Сетме ⁴¹. С Египтом связаны найденные там «Евангелие от египтян», «Апокалипсис Досифея» и герметические книги ⁴². Почитание змея в сектах офитов и наасенов было сродни древнеегипетскому культу змея и африканскому тотемизму ⁴³, будучи одновременно оппозицией Ветхому завету.

Чтобы выявить многочисленные связи христианского гностицизма с культурой и религией древнего Египта, нужно специальное исследование. Но связи эти несомненны. Благодаря им христианский гностицизм в Египте сохранил дольше свой особый характер и противостоял нивелирующей силе Рима, когда мировая религия уже становилась на службу мировой Империи. Несмотря на политическую пассивность, он был мощной идейной оппозицией как римскому владычеству, так и побеждающей церкви. В борьбе с ним она восприняла в свой канон ряд его взглядов, особенно более реакционных ⁴⁴, отбросив социальные чаяния масс и национальные элементы (далеко не все), так же как это было с пудеохристианством.

Борьба, однако, продолжалась отчасти внутри христианства, отчасти вне его. Духовным наследием гностицизма (наряду с христианским монашеством) в Египте с III в. стало манихейство, которое, возникнув в Ираке, распространилось удивительно быстро (и именно в сельских местностях ⁴⁵), имея уже подготовленную почву. В условиях всеобщего кризиса после расслоения и частичного разгрома гностических общин оно стало популярной религией масс. Нельзя признавать демократический характер манихейства и отрицать подобный характер за гностицизмом, с которым оно находилось в ближайшем родстве, хотя есть у них, несомненно, и значительные различия.

Если сравнить данные «Acta Archelai» о манихействе ⁴⁶ и дуалистические космогонии гностиков — василидиан и валентиниан — так, как они изложены у Иринея,

³⁹ Такой взгляд высказал Г. М. Лившиц (ук. соч., стр. 185), связывая, однако, гностицизм только с античной культурой.

⁴⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 314.

⁴¹ Францов, ук. соч., стр. 464—467.

⁴² В ранее известных «Книгах Гермеса» действующими лицами являются Исида, Гор, Тот, Аммон. Сам Гермес «Трижды великий» — это плод смешения и абстракции греческих и египетских богов, пантеистический бог, который «есть все», отец Сына-Слова, который отождествляется то с миром живущих, то с солнцем. «Пророчества» в этих книгах относятся к судьбе Египта.

⁴³ Культ змея в Африке существует до сегодняшнего дня. По всей Африке южнее Сахары распространено представление, что души умерших воплощаются в змея. См. Г. А. Шпажников, Религия стран Африки, М., 1967, стр. 12.

⁴⁴ О влиянии гностицизма на христианство из более новых работ см. R. Grant, Gnosticism and Early Christianity, N. Y., 1959; Свенцицкая, ук. соч., стр. 93—96.

⁴⁵ Каждан. От Христа к Константину, стр. 60.

⁴⁶ См. А. Л. Кац, Манихейство в Римской империи по данным «Acta Archelai», ВДИ, 1955, № 3, стр. 168—179.

Евсевия и Ипполита⁴⁷, то они обнаруживают большие совпадения образов и терминологии. В тех и других космогониях в результате борьбы сил тьмы и света души переходят в царство Света. Воскресения мертвых нет. Похож на манихейскую космогонию уже цитированный апокриф Иоанна, хотя в нем еще нельзя найти таких отчетливых социальных выводов. В коптских манихейских текстах (найжены в 1933 г. близ Мединет-Мади) мы встречаем, например, образ Сема или Сета, который из египетской мифологии перешел в гностическую, а затем в манихейскую как один из пророков, предшественников основателя секты Мани⁴⁸, или же образ мудрой Саломеи, общий гностическим апокрифам (евангелие от египтян) и манихейским псалмам⁴⁹. Манихейству присущ тот же аскетизм (более строгий) и следы докетизма⁵⁰. Оно было синтезом зороастризма, христианства и гностицизма — и религией бедняков. Его преемственную связь с прежними ересями сознавали историки церкви. Евсевий (Hist. eccl. VII, 3) писал о Мани: «Ложное и безбожное свое учение он сшил из тысячи мнений, принадлежавших давно угасшим ересям»⁵¹. В чем же отличие?

У манихеев общее с гностиками представление об окружающем материальном мире как мире зла, создании и обиталище злого бога, соединялось с более активной моралью, с открытой ненавистью ко всякому рабству и угнетению и с отождествлением борьбы против царства тьмы с классовой борьбой против эксплуататоров. Это и вызвало жестокие гонения со стороны Римского государства. Гонение на манихеев началось в 296 г. в связи с обострением классовой борьбы в Египте. Эдикт Диоклетиана поставил их вне закона, а так называемый Миланский эдикт 313 г. не отменил этих гонений⁵². Манихейство тоже, конечно, не звало к реальному переустройству мира, замкнутость его в дальнейшем росла. Тем не менее развитие ересей Египта во II—III вв. показало эволюцию идеологии масс под влиянием изменившихся условий и нарастающей классовой борьбы в сторону ее активизации.

С конца III в. среди местного населения Египта шире распространяется христианство. В первой половине IV в. христианизируется и Аксумское царство в Эфиопии⁵³. Однако египетские христиане упорно не хотели быть «правоверными». В начале IV в. на пороге окончательного превращения ортодоксального христианства в господствующую церковь, оно было потрясено арианской ересью.

Арий был александрийским священником и ливийцем по происхождению. В его учении о сыне божьем как о Логосе, рожденном богом и, следовательно, не единосущном богу, возрождались как взгляды Филона и греческой идеалистической философии⁵⁴, так и те христологические споры, которые велись еще в церкви конца II—III в. с гностицизмом, его рационалистический элемент. Арианство выражало в новой исторической обстановке уже отчетливо сепаратистские тенденции внутри единой христианской церкви.

В Египте к тому времени расцвел культ мучеников и святых, в которых превращали и более популярных языческих богов. Растущее движение ухода «от мира сего» наводило страну анахоретами и монахами. Бродили поклонники св. Антония, вдоль Нила обосновались монастырские общины⁵⁵, на месте древнего Хенобоскиона поселилась община св. Пахомия. Люди, фактически выброшенные за борт общества про-

⁴⁷ Iren., Adv. haer. I, 24, 3—7; I, 11, 1—3; Euseb., Hist. eccl. IV, 7, 5—8; Hippol., Philos. VII, 20—27; Epirh., Haer. XXXIII, 3—7; Хенобоскионское евангелие от Фомы, изреч. 50, 81.

⁴⁸ Францов, ук. соч., стр. 467. Здесь отмечено также сходство учений сект сеттан и мандеян: мандеяне же впоследствии в большинстве слились с манихеями.

⁴⁹ Францов, ук. соч., стр. 465 сл.

⁵⁰ Голубцова, ук. соч., стр. 100 сл.

⁵¹ Там же, стр. 99.

⁵² См. А. Л. Каз, Религия и государство в Римской империи в конце III — начале IV в. н. э., «Уч. зап. Кирг. гос. заочн. пед. ин-та», 1956, вып. 2, стр. 69, 78.

⁵³ В 340 г. царь Эзана объявил христианство государственной религией — см. Шпайнков, Религии стран Африки, стр. 20.

⁵⁴ См. «История и теория атеизма», под ред. И. Д. Панцхава, М., 1962, стр. 106 сл.

⁵⁵ M. A. de Vogüé, L'église et l'Empire Roman au IVe siècle, I, 6-me éd., P., 1877, стр. 369.

цессом его разложения, меньше всего ценили земную жизнь; они были одинаково готовы как к самым невероятным самоистязаниям и подвижничеству, так и к разгрому языческих храмов и библиотек, а также к любому движению, которое звало на подвиг во имя божественной истины. Религиозные споры из церквей и обителей вырывались на улицу, занимали умы, вызывали вооруженные столкновения, становясь идеологическим выражением социальных и политических противоречий; это было преддверие средневековья.

Арий получил поддержку масс. Как рассказывает Созомен (I, 15), сторонники Ария шли на площади, задерживая прохожих, особенно женщин, чтобы им задать вопрос: «Имели ли вы сына раньше, чем произвели его на свет?» И после их отрицательного ответа говорили: «Бог тоже не мог иметь сына раньше, чем он его породил»⁵⁶. Феодорит, приписывая проповедникам Ария не совсем пристойное обращение с женщинами, говорит, что новая секта получила сильную поддержку женщин⁵⁷. Эпифаний (Наег. LXIX, 3) свидетельствует о популярности Ария в женских монастырях.

Несмотря на анафему, наложенную александрийским епископом Александром и собранием почти ста епископов Египта и Ливии на Ария и одиннадцать его единомышленников (Soz. I, 6; Eriph., Наег. LXIX, 3), которая вынудила Ария покинуть Александрию, он сохранил многочисленные связи в городе, сочувствие народа и молодежи. К нему примкнули также ученики Лукиана из Антиохии, который, продолжая линию Оригена, кое в чем расходился с официальным учением церкви, а его сторонники дружили друг с другом и называли себя «солукнианистами»⁵⁸. Среди них был влиятельный при императорском дворе Евсевий из Никомедии. Его поддержал и историк церкви Евсевий из Цезареи; оба Евсевия писали письма и собирали епископов, чтобы помочь Арию (Soz., I, 15).

Арий, желая сделать свое учение более понятным для народа, изложил его в поэме, а затем в песнях. Среди них были песни, предназначавшиеся для матросов, путешественников, людей, работающих на мельницах. В них говорилось о самых разных вещах и кое-где вставлялись слова о Слове и о Троице (в духе Ария). Арий обо всем этом заботился сам⁵⁹. В богословских спорах все вращалось вокруг знаменитого начала Евангелия от Иоанна, ставшего камнем преткновения для христианства. Александр в ответ Арию мог только заявить, что набожные люди не должны стремиться знать больше, чем написано, и мотивировал это тем, что необъяснимая сущность Сына превосходит самое тонкое понимание не только евангелистов, но даже самих ангелов⁶⁰.

Несмотря на попытки успокоения умов и энергичную деятельность преемника Александра, Афанасия, Константину доносили об уличных беспорядках, в которых были, случайно или умышленно, повреждены императорские статуи (Euseb., Vita Const. III, 4); сам Арий в своих письмах к императору заявлял, что вся Ливия перешла на его сторону⁶¹. Дальнейшие судьбы арианства известны; оно было осуждено Никейским собором и, хотя сам Константин перешел в конце жизни в арианство, объявлено ересью в 381 г., а произведения Ария сожжены. Но было поздно — арианство принимали «варвары».

Древние «ереси» переходили в средневековье. Христологические споры, которые велись во II в. с гностиками, в III в. с ересью Савелия, в IV в. с арианами, продолжались с V в. в несторианстве и монофизитстве⁶². Это последнее получило широкое распространение, было поддержано в особенности монашествующим духовенством отдаленных районов и привело к отделению от ортодоксальной церкви Сирии, Пале-

⁵⁶ De Broglie, ук. соч., стр. 370.

⁵⁷ Theod., Hist. eccl. I, 4; 3 (изд. Migne); De Broglie, там же.

⁵⁸ Συλλογισμοί — Theod., Hist., eccl. I, 4; 3; ср. De Broglie, ук. соч., стр. 374 слл.

⁵⁹ De Broglie, ук. соч., стр. 377 слл.

⁶⁰ Theod., I, 4; 3. Письмо Александра из Александрии к Александру из Византии.

⁶¹ Из имперского манифеста. Цитируется Епифанием (Наег. LXIX, 9); De Broglie, ук. соч., стр. 388—392.

⁶² «История и теория атеизма», стр. 106 сл.

стины, Армении, Египта и Эфиопии. В V и VI вв. оно сопутствовало народным восстаниям, имевшим явно политический и социальный характер.

В раннесредневековой Византии число ересей росло. Они становились знаменем освободительного движения (болгарская ересь, VII в.). Древние дуалистические идеи гностицизма и манихейства возрождались в таких средневековых ересьях как павликианство (Армения), богомилство (Болгария), альбигойство (Западная Европа), которые выступали уже как религиозная оболочка массовых народных движений и вооруженных восстаний против феодального гнета.

Б. Б. Маргулес

IDEOLOGICAL FORMS TAKEN BY THE STRUGGLE WAGED AGAINST
ROME BY THE PEOPLES OF EGYPT IN THE SECOND
TO FOURTH CENTURIES A. D.

by B. B. Margules

In the period of crisis and increasing contradictions within the slave-based social order of the Roman Empire the ideological struggle was to a considerable extent expressed in religious controversy, as new social ideas took the form of a new religion, Christianity. The earliest Christian doctrine, and later especially the early Christian heresies and sects, together with certain popular pagan cults were the religious outward form of a popular mass movement. In contrast to the developmental tendency of the Church, then in the process of establishment, this ideology evolved from passive to more active forms of social protest, of class and popular-liberation struggles.

Christian Gnosticism in Egypt (second and third centuries) was not just an ideology of the upper classes; its social roots, like those of all Christianity, reached into wide sections of the Egyptian population, and Gnosticism became a form of ideological struggle against the Roman state and the orthodox Church. Gnosticism was succeeded by Manichaeism, which resembled it in many respects, but was more active in the spheres of moral doctrine and struggle against the exploiters. Also in Egypt, at the point of transition to the mediaeval period, the Arian creed arose, which was widely popular over a long period and undermined the divine authority of the now established Church. The ancient heresies carried over into mediaeval times, when their doctrines became the slogans of peasant uprisings.
